

УДК 82.091

С.В. ШЕШУНОВА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики
Государственного университета «Дубна» (г. Дубна, Российская Федерация)*

БРИТАНЦЫ И РУССКИЕ КАК ВРАГИ ПО КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ

В статье рассматривается образ врага в русской и английской художественной литературе, посвященной Крымской войне (1853–1856). Автор показывает, что в XIX в. этот образ определялся этническими стереотипами. Особое внимание уделяется роману Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи» (1998), где британцы и русские предстают как зеркальное отражение друг друга, и рассказу И.С. Шмелева «Солдат Кузьма» (1915), где русский и английский солдаты, являясь военными противниками, тем не менее, вступают в теплые дружеские отношения.

Ключевые слова: образ врага в литературе, Крымская война, этнические стереотипы.

Крымская война была единственным крупным столкновением русской и британской армий за их историю и в таком качестве отразилась в словесном искусстве обеих стран. Каким рисуется образ британского (и, соответственно, русского) врага в произведениях, посвященных Крымской войне? Как представлена война двух крупнейших христианских империй: как битва нравственного народа с безнравственным, как поединок благородных противников или как бессмысленное взаимное истребление двойников?

Далеко не все литературные тексты, на которые опирается наше исследование, имеют отношение к подлинному искусству словесности. Однако они представляют собой значимое свидетельство массового сознания своей эпохи, отражая преобладавшие в обществе этнические стереотипы. Поэтому скромные попытки стихотворцев-любителей ниже будут рассматриваться наравне с шедеврами знаменитых мастеров слова.

Произведения русского фольклора, посвященные Крымской войне, не изображают британцев как врагов. Противник здесь просто упоминается – без уточнения, каковы его качества. Например:

*Расскажу я, братцы, вам:
С англичанкой воевал,
Много горя, братцы, видел,
Много бед я испытал [1, с. 658].*

Такого же рода примером служит другая песня о солдатских буднях в Севастополе:

*Уж мы песенки певали,
Англичанку удивляли [1, с. 661].*

Иную картину представляют мнимо «народные» или «солдатские» песни, появившиеся в годы войны в периодике; в реальности они представляли собой анонимные ав-

торские сочинения. Именно подобные сочинения рисуют образ «коварного Альбиона»; А.А. Орлов, собравший наиболее интересные из них, назвал данное явление «рифмованной англофобией» [2, с. 166]. Самым популярным из них было стихотворение В.П. Алферьева «На нынешнюю войну», появившееся 15 февраля 1854 г. в газете «Северная Пчела» и в мартовском номере журнала «Современник» за тот же год – оба раза без указания фамилии автора, служившего ревизором в почтовом департаменте. Еще до публикации оно исполнялось как песня на рождественском (25 декабря 1853 г.) концерте в пользу раненых в зале Дворянского собрания в Харькове, а затем разошлось во множестве списков, вызвало подражания и было еще дважды положено на музыку [2, с. 314]. Стихотворение петербургского чиновника, так покорившее массового читателя, начинается словами:

*Вот, в воинственном азарте,
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.* [Цит. по: 2, с. 168].

Англичане представлены в этом сочинении как прагматики с механистичным мышлением, которые способны воспринимать какое-то явление (в данном случае Россию), лишь уподобив его машине:

*Альбион – статья иная –
Он еще не раскусил,
Что за машина такая
Наша Русь и в сколько сил.
То-то будет удивленье
Для практических голов,
Как высокое давленье
Им покажут без паров!* [Цит. по: 2, с. 169].

Подобное мнение о британской ментальности типично для русской литературы середины XIX в. И.А. Гончаров, посетивший Англию в 1852 г., писал о ней в путевых заметках: «*Всё бы это было очень хорошо, то есть эта практичность, но, к сожалению, тут есть своя неприятная сторона: не только общественная деятельность, но и вся жизнь всех и каждого сложилась и действует очень практически, как машина*» [3, с. 255–256]. «Машина» как воплощение цивилизации, оплотом которой выступает Великобритания, решительно отвергается и в стихотворении Ф.Н. Глинки «Кто кому нужнее» («Северная Пчела», 1854, № 52, без подписи):

*Не нужно Английской нам стали:
У нас железа рудники... <...>.
Не нужны нам пружины ваши,
И все машины, вздор какой:
Французов били ж бабы наши
Где просто палкой, где клюкой!* [Цит. по: 2, с. 171].

Комментируя приведенные строки, А.А. Орлов уточняет, что в реальности автора весьма интересовали технические достижения [2, с. 315]. Однако в своих рифмованных рассуждениях о Крымской войне Ф.Н. Глинка, участник войны 1812 г., превозносит «бабью палку» над «машинами» и «пружины» точно так же, как участник Крымской войны Л.Н. Толстой вскоре будет в своей эпопее о 1812 г. превозносить «дубину народной войны» над профессиональными качествами армии.

Возвращаясь к стихотворению Алферьева, отметим возникающий в первых его строках образ «воеводы Пальмерстона». Г.Дж. Темпл, виконт Пальмерстон (Palmerston, 1784–1865), министр иностранных дел (1830–1841, 1846–1851) и премьер-министр (1855–1858, 1859–1865) Великобритании, воспринимался в России как едва

ли не главный виновник Крымской войны. В 1858 г. И.С. Тургенев свидетельствовал, насколько широко распространилась его известность: «...помнится, однажды, в самой глуши Полесья, мужик спросил меня: “Жив ли Пальмерстон?”» [3, с. 267]. О своеобразной популярности британского политика в России говорят такие стихотворные издания, как «Замыслы Пальмерстона, или И велик союз, да толку мало! С портретом Пальмерстона» (СПб., 1854), а также тип пальто под названием «пальмерстон», упоминания о котором встречаются в литературных произведениях второй половины XIX в. [4, с. 168]. В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) фамилия британского политика возникает в необычном значении: Разумихин именуется «пальмерстоном» исковерканную шляпу Раскольникова. Как комментирует специалист по литературному костюму Р.М. Кирсанова, в России всякое упоминание о Пальмерстоне из-за его позиции во время Крымской войны было окрашено иронией; события этой войны еще были живы в памяти, когда Достоевский писал свой роман. «Вероятно, именно поэтому появился “пальмерстон” на страницах романа, чтобы подчеркнуть ветхость, нелепость шляпы Раскольникова, хотя никаких сведений о реально существовавшей под названием “пальмерстон” шляпе обнаружить в модной периодике не удалось» [4, с. 163–164].

Вторым британским военачальником, вошедшим в анналы «рифмованной англофобии», стал Ч. Непир (Napier, 1786–1860) – вице-адмирал, кавалер русского ордена Святого Георгия 3-й степени (1840). Назначенный в феврале 1854 г. командующим британским флотом в Балтийском море, он был в том же году отстранен от должности за отказ атаковать Кронштадт и Свеаборг. Это породило саркастическое изображение адмирала в анонимных изданиях «Непир у Кронштадта, или Ехал да не доехал» (СПб., 1854) и «Морской рак, или Шаг вперед, да два назад. Посвящается храброму победителю Кронштадта сэру Чарльзу Непиру» (СПб., 1854), а также в стихотворном сочинении А. Нестерова «Воздушное путешествие Непира на Кронштадт. Сны Пальмерстона» (СПб., 1854).

Обоих названных выше высокопоставленных британцев «рифмованная англофобия» наделяет хвастливостью и пристрастием к крепким напиткам. Например:

*Вот в напутье, за банкетом
Пальмерстон и Чарльз Непир
На заклад идут пред светом
И сулят в Кронштадте пир <...>.
Эй, Джон-Буль, ты не хвались!
Прежде Богу помолись.
Не разбиться бы с похмелья
О гранитну нашу грудь! [Цит. по: 2, с. 208].*

Портрет «хвастуна Непира» дает и анонимная «Песня кронштадтских артиллеристов»:

*Он, задравши кверху нос,
Поклялся пред светом,
Что наёмный их матрос
Разобьет нас летом.*

*Берегись, хвастун Непир,
Вздор язык твой мелет:
Ведь за это бомбардир
Прямо в нос прицелит!.. [Цит. по: 2, с. 175].*

Хвастливость британского адмирала, по мнению сочинителя, порождена его нетрезвостью:

*Непиру ром служил отрадой,
И он, спросонья, возмечтал... [Цит. по: 2, с. 173].*

А.А. Орлов замечает по этому поводу, что в России склонность британцев к пьянству традиционно «считалась одним из главных национальных пороков» [2, с. 317]. Действительно, можно вспомнить, как еще в «Бэле» М.Ю. Лермонтова (1839) Максим Максимыч утверждает, что англичане «всегда были отъявленные пьяницы». Попутно заметим, что этот мотив сохраняется и в русской литературе XX века – например, в «Тихом Доне» М.А. Шолохова, где британский инструктор Донской армии лейтенант Кэмпбелл наделен способностью употреблять алкоголь в гомерических размерах, что приводит в отчаяние прикрепленного к нему переводчика Щеглова.

Как английская национальная черта в русской поэзии времен Крымской войны рисуется и хвастовство:

*Как заврались Англичане,
Стали грубы – стыд сказать!
Они хвалятся заранее,
Ещё идучи на рать* [Цит. по: 2, с. 174].

К коренным свойствам той же нации отнесено и корыстолюбие:

*Мы злодеев Албионцев,
Как всемирных торгашей,
Вечно жадных до червонцев
Встретим залпом батарей* [Цит. по: 2, с. 211].

Или:

*Для Англичан дела тогда лишь хороши,
Когда приносят им большие барыши* [Цит. по: 2, с. 173].

Военное столкновение русских и британцев нередко представлено в подобных сочинениях как противостояние убежденных христиан и безбожников (либо изменников Христа). Так, Ф.В. Булгарин восклицает:

*Не страшны нам безбожные союзы,
Коварный Альбион, и Турки, и Французы!* [Цит. по: 2, с. 173].

«Для большинства россиян поддержка, оказанная европейскими державами мусульманской Турции, выглядела вероломным предательством не только России, но и всего христианского мира», – констатирует исследователь, добавляя, что о союзе Павла I с султаном Селимом III при этом предпочитали не вспоминать [2, с. 166–167]. Пример такого обвинения в предательстве – уже упомянутое стихотворение Глинки «Кто кому нужнее»:

*И так не сказка уже это,
Что Англичанин и Француз
Вступили в службу Магомета?
<...>
Не ваши-ль предки в Палестине
За Гроб Господень лили кровь?
Зачем же вы хотите ныне
Попрать дела своих отцов?* [Цит. по: 2, с. 169–170].

Мысль автора ясна: выступая против России в союзе с мусульманами, англичане тем самым изменяют собственным корням. Еще дальше идет князь П.А. Вяземский, откликаясь на обстрел Одессы в апреле 1854 г. соединенными силами англо-французской эскадры. Британцы, способные так поступить, в его глазах – не настоящие, а «ложные англичане»:

*Достоин подвиг сей вас, янычар Султана,
Вас, ложных Англичан, клеветов лже-царя...* [Цит. по: 2, с. 209]

По контрасту, русские люди в текстах такого рода представлены честными и преданными христианами – например, в сочинении П. Григорьева «За Веру, Царя и Отечество!»:

*Мы не лжём, не лицемерим,
А живём, как жили встарь,
С христианским чувством верим
И храним святой алтарь!* [Цит. по: 2, с. 211]

Та же антитеза утверждается и в «Солдатской песне» Г. Малышева:

*С вами зависть, зло, киченье,
С нами Вера и смиренье,
С нами правда, Бог!!!* [Цит. по: 2, с. 178]

Исходя из такого «смирненного» сознания собственной духовной высоты, англичанину дается снисходительный совет:

*Эх! любезный, не гордись!
Богу кланяться учись* [Цит. по: 2, с. 209].

Итак, в упомянутых сочинениях выражается уверенность, что духовное превосходство обеспечит русскому воину победу над хвастливым, корыстным, вечно пьяным и безбожным Альбионом. И стихотворцы заранее торжествуют:

*Пусть себе в Кронштадт плывут
Красные мундиры:
То-то славно их проймут
Наши бомбардиры!..* [Цит. по: 2, с. 175]

*Англичанам ни на шаг
Не уступит наш моряк!
Мы наловим, ай люли,
Красных раков на мели!* [Цит. по: 2, с. 212]

Английская массовая поэзия времен Крымской кампании являла собой, как показала О.Г. Сидорова, аналогичную картину. Несколько сотен авторских стихотворений и более пятидесяти анонимных уличных баллад использовали популярные образы и стереотипы. Враг был представлен в них, прежде всего, образом русского медведя. Другим популярным антигероем английских баллад того времени выступал русский царь, образ которого трактуется уничижительно: он уподоблен борову и обвиняется в том, что спаивает своих подданных [5, с. 108]. Заметим в этой связи, что в русской «рифмованной англофобии» мы не найдем столь же уничижительного изображения королевы Виктории; как отмечалось выше, в солдатских песнях она именуется нейтрально – «англичанка».

Крымская кампания породила одно из самых знаменитых английских стихотворений XIX в. – «Атаку легкой бригады» лорда А. Теннисона («The Charge of the Light Brigade», 1854). Вместо того чтобы воспеть какую-либо из побед выигранной его соотечественниками войны, поэт избрал для прославления британской армии бесплодную попытку кавалеристов генерал-майора Дж. Т. Брюднелла, графа Кардигана, отбить орудия, захваченные русскими. Это стихотворение, посвященное, по словам Дж. Суитмана, «самому кровопролитному, самому славному и столь же бесполезному боевому столкновению в британской военной истории» [6, с. 84–85], заняло в английской литературе такое же место, какое в русской занимает «Бородино» М.Ю. Лермонтова: самое романтическое изображение во-

инского подвига, вошедшее в школьные хрестоматии. По свидетельству военных историков, во многом именно благодаря чеканным строкам Теннисона атака 673 всадников, имевшая место в Северной долине под Балаклавой между 11:00 и 11:20 утра 13 (25) октября 1854 г., затмила в памяти англичан «все прочие эпизоды сражения» и стала олицетворять всю Крымскую войну [6, с. 82; 7, с. 46].

При этом образ врага в «Атаке легкой бригады» обрисован предельно лаконично: лишь в трех из 55 строк появляются «казаки и русские» [5, с. 109]:

*Cossack and Russian
Reel'd from the sabre-stroke
Shatter'd and sunder'd* [8, с. 308].

Эти «казак и русский», которые «падали от сабельного удара, раздробленные и разделенные», теряются на фоне британских всадников с их сверкающими на солнце клинками. Как предположила О.Г. Сидорова, образ врага не потребовался здесь Теннисону, поскольку мог «лишь помешать созданию образа героя, которому подвластны любые враги и обстоятельства и который способен одержать моральную победу, даже будучи формально побежденным» [5, с. 110]. Заметим, что позднее Р. Киплинг в стихотворении «Остатки легкой бригады» («The Last of the Light Brigade», 1891) как бы переворачивает описание Теннисона – указывает на проявленную в той же стычке силу не английских, а русских сабель: «*Keen were the Russian sabers*» [9, с. 254].

После создания «Атаки легкой бригады» Теннисон откликнулся на военный конфликт с Россией в поэме «Мод» («Maud», 1855), которая также относится к образцам викторианской классики. Здесь «кроваво-красный цветок войны с сердцем из огня» («*The blood-red blossom of war with a heart of fire*»), пылающий возле крепости на Черном море [10, с. 194], противопоставлен другой, частной войне главного героя – его смертельной дуэли с братом своей возлюбленной. В то время как этот персональный поединок расценивается как тяжелый грех, приведший героя на грань безумия, Крымская война представлена как благородное общественное дело. Россия именуется в поэме «гигантским лжецом» («*giant liar*»), на которого обрушивается «Божий справедливый гнев» («*God's just wrath shall*») [10, с. 194]. Исцеление эгоцентричного героя от нервной болезни проявляется в родившейся у него решимости принять участие в войне своего народа с этим «лжецом».

Отношение автора «Мод» к России, практически незнакомой ему стране, всегда оставалось столь же глубоко неприязненным [11, с. 36], что проявилось и в последнем его произведении на тему Крымской войны – «Атака тяжелой бригады» («The Charge of the Heavy Brigade», 1882). Здесь воссоздан эпизод битвы при Балаклаве, предшествовавший безумной атаке лорда Кардигана – восьмиминутный бой британских (в основном шотландских) кавалеристов под командованием бригадного генерала Дж.И. Скарлетта [6, с. 79]. Теннисон акцентирует многочисленность русских участников этого боя («*thousands of Russians*»), которым противостоят всего триста всадников генерала Скарлетта («*Scarlett's three hundred*») [11, с. 35]. Мнение о том, что командир тяжелой бригады повел свои три эскадрона против 2000 кавалеристов противника, распространено в английской историографии [6, с. 69, 74], хотя канадский исследователь опирается на другие цифры: «800 драгун против 1600 русских гусар» [7, с. 270]. Так или иначе, численное превосходство русских впечатляло, и то, что британцы выстояли и заставили противника отступить, было воспринято как образец массового героизма. «Вид небольших групп храбрецов в красных кителях или одиночек, прорубавшихся сквозь серую массу врагов, наполнял сердца зрителей, издали и сверху наблюдавших за кавалерийским боем, одновременно и благоговейным страхом, и гордым воодушевлением», – так передает Дж. Суитман чувства своих соотечественников [6, с. 74]. Контраст между редкими красными мундирами и окружившими их многочисленными серыми шинелями, видимо, воодушевил и Теннисона. В его «Атаке тяжелой бригады» русская армия описана как окутанная тьмой, подобная туче толпа («*dark-muffled Russian crowd <...> like a cloud*»); это безликая масса, «русские орды» («*Russian hordes*»), сильные лишь своей численностью [11, с. 35].

Итак, и русская, и британская поэзия, посвященная Крымской войне, утверждает превосходство нравственной силы воинов-соотечественников над аморальным врагом, который может опереться лишь на бездушное материальное могущество (соответственно, на силу машин или на численность войск). Подчеркнем, что устами стихотворцев обе противоборствующие стороны обвиняли друг друга во лжи, отпадении от Бога и пьянстве.

В прозе XIX в. этот русско-британский военный конфликт отражен более чем скупо. Примечательно, что в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого (1855–1856) об англичанах речи нет: когда здесь говорится о неприятеле, упоминаются только французы. В написанной одновременно с этими очерками сатирической сказке У.М. Теккерея «Кольцо и роза» («The Rose and the Ring», 1855) отсылки к Крымской войне служат для сближения со злобой дня. Так, прочность доспехов, подаренных главному герою феей, приводит к тому, что *«в самом жарком бою молодой король разъезжал себе преспокойно, словно он был какой-нибудь британский гренадер на Альме»* [12, с. 243]. В итоге войска сказочного злодея *«были разбиты столь решительным образом, что, даже будь на их месте русские, вы и тогда не могли бы пожелать им большего поражения»* [12, с. 244]. Но эти упоминания, как нетрудно убедиться, мимолетны.

Первый заметный роман, посвященный Крымской кампании, появляется лишь в конце XX века – «Мастер Джорджи» Б. Бейнбридж («Master Georgie», 1998). Военное столкновение русских и британцев изображается в нем полемично по отношению к творчеству Теннисона и всей викторианской литературе. Начало войны вызывает у рассказчика реакцию, противоположную той, которая описана в «Мод»: *«Англия объявила войну России. Неделю целую, последовавшую за роковой вестью, нам пришлось быть свидетелями тошнотворнейшей демонстрации патриотического пыла»* [13, с. 83]. И, судя по всему, писательница разделяет это восприятие: в ее изображении Крымская война – не более чем бессмысленная бойня, независимо от того, идет ли речь о злополучной атаке Легкой бригады или об успешной для англичан битве при Альме (20 сентября 1854 г.), открывшей им путь к Севастополю. Воспетая Теннисоном и не меньше значившая для Киплинга скачка подчиненных Кардигана кратко упомянута здесь без всякого намека на подвиг: *«...больше двухсот лошадей из Легкой кавалерийской бригады бросились в лагерь, лишись седоков, polegших в долине недалеко от нас к северу»* [13, с. 160].

По мнению О.Г. Сидоровой, Б. Бейнбридж, как и А. Теннисон, «почти не вводит в свое произведение образ врага – русские лишь упоминаются, но не описываются» [5, с. 111]. Как будет показано ниже, это не вполне верно: изображение русского противника, несмотря на свою лаконичность, имеет в «Мастере Джорджи» концептуальное значение.

Для описания России в «Мастере Джорджи» использованы мотивы древнегреческих мифов. Она уподоблена стране листригонов из «Одиссеи» [13, с. 150], а также Атлантиде, над которой олимпийские боги дали Афинам *«великую победу, но и победителей, и побежденных поглотило землетрясением, и остров погрузился на дно морское»* [13, с. 157]; нетрудно заметить, что Крымская война уподоблена в романе этому взаимному уничтожению. Кроме того, «Мастер Джорджи» отчасти продолжает специфический «русский миф», веками бытовавший в английской литературе и проявившийся в постоянстве компонентов образа России и в неизменности связей между ними [14, с. 150–151]. Едва ли не самый устойчивый из таких компонентов – это, по определению Н.П. Михальской, пейзаж «огромной северной страны, где зима бесконечна, морозы ужасны, ветры суровы»; он, во-первых, воплощает представления о трудностях жизни в России, а во-вторых, служит символом деспотизма русского государства [14, с. 93]. В «Мастере Джорджи» функцию вечного русского мороза выполняют бесконечный дождь и туман (они же выступают и аналогом погружения Атлантиды). *«Черт бы побрал этот дождь. Скоро мы все рыбой станем»*, – говорит здесь один из британских солдат [13, с. 158]. Такое изображение крымской погоды тем более парадоксально, что по традиции дождливость воспринимается как черта британского, но никак не русского климата. При этом угнетающий души героев русский пейзаж служит у Бейн-

бридж параллелью не к характеру местной власти (этой темы она не касается), а к бесчеловечной природе войны.

Изображая положение британской армии в Крыму, писательница фиксирует самые отталкивающие приметы фронтовой реальности: трупы, вырванные ядрами и штыками внутренности людей и лошадей и т. п. Убитых хоронят без гробов, предварительно сняв с них обувь, так как живым нечего носить; англичане воюют в грязных обносках, «и лица старые, как смерть. Живых почти не отличишь от мертвых» [13, с. 168]. Эти деморализованные люди не понимают, зачем и за что сражаются: «Почему занудилось оборонять именно это никчемное место, нам никто не объяснял» [13, с. 185]. Один из главных героев романа, Помпи Джонс, получает приказ «отступить с батареи, защищать полковое знамя. Я сам себя спрашивал, какая такая нужда поспешать на выручку к рваному куску шелка, но всё сделал как велено. Я стал цирковой зверушкой, я и через обруч бы прыгнул, если прикажут» [13, с. 187]. В этом поведении от лица своего персонажа Бейнбридж следует традиции Льва Толстого (как известно, называвшего в «Войне и мире» полковые знамена «тряпками на палках») и спорит с Теннисоном; герои «Атаки легкой бригады» не спрашивали себя, какая нужда выполнять приказ, а выполняли его ценой своей жизни, отнюдь не воспринимали себя «цирковыми зверушками»:

*Theirs not to make reply,
Theirs not to reason why,
Theirs but to do and die* [8, с. 307].

Однако для постмодернистского романа, каким является «Мастер Джорджи», викторианское мироощущение неприемлемо.

Персонажи Бейнбридж познают своего русского противника сначала через звуки. В тумане до британского лагеря доносится колокольный звон: «Те колокола поутру звонили, чтоб вдохновить русские батальоны при выступлении из Севастополя. У неприятеля, говорили, сила несметная» [13, с. 181]. В стихах Теннисона, как уже говорилось, упоминание о численности русских призвано создать мрачный образ «орды» – огромной, безликой массы. В «Мастере Джорджи» подобное упоминание нейтрально; здесь русские являются врагами скорее фактически, чем психологически. Фотограф Помпи Джонс, занимаясь мародерством, обшарил тело убитого русского солдата, нашел, что от его одежды пахнет «уютно, по-домашнему» [13, с. 184] и надел его шинель, из-за чего британский офицер принял его за своего подчиненного и поставил в строй; таким образом, четкой границы между противоборствующими силами не ощущается.

Именно глазами Джонса показано главное в романе сражение: «...нас подбадривал свист ядер с русских батарей, так что мы металась и петляли, как зайцы. <...> Русские ждать себя не заставили, наскочили, вынырнули из тумана, точь-в-точь – мы, как в зеркале, глаза выпучены от страха, кивера оцетинены, как кустарник» [13, с. 185–186]. Рассказчик выделяет из развернувшейся битвы два поединка. Первый из них он наблюдает, и здесь мысль о зеркальном сходстве противников выражена еще более резко: «...сошлись один на один наш офицер из Двадцать первого и тоже офицер, русский. Дрались на саблях, кружили друг против друга раскорякой, как обезьяны. А солдаты, те и другие, стали в кружок, науськивали, подбадривали, крепко ругались. <...> Когда оба рухнули, пронзенные насмерть, кружок сразу рассыпался под зверский крик» [13, с. 186]. Во втором поединке Помпи участвует сам: «Я занялся мальцом с болячкой на губе. Он весь одеревенел от ужаса, только махал на меня штыком, как пчелу отгонял. Что-то пролопотал по-своему, я ответил: прошу прощенья, не понял. Пожалел его было, да он сам хлыстнул меня по лбу, тут уж я вскипел и проткнул ему глотку. Он упал, хрипя свои упреки. Я не знал, какое такое дело отстаиваю и почему так нужно убивать...» [13, с. 186].

Как видно из приведенных примеров, в «Мастере Джорджи» не имеют смысла вопросы, почему велась Крымская война, насколько храбры и стойки были ее участники. Нападавшие и защитники, победители и побежденные предстают в этом романе как равно

жалкие жертвы. О какой-либо религиозной или нравственной разнице между противниками говорить не приходится, поскольку религиозные и моральные предпосылки поступков в данном художественном мире отсутствуют. Русские и британцы как двойники похожи в животном страхе перед смертью, в отвратительном ремесле убийства: «Только от первого тычка в мясо и мышцы меня чуть не вырвало, а потом <...> выпускать кишки показалось самым обычным делом. На лица я не смотрел, в перепуганные глаза, я пониже смотрел, на одежду, прикрывавшую беззащитные внутренности от моих смертельных уколов» [13, с. 186]. Роман Бейнбридж дегероизирует Крымскую кампанию так же предельно, как стихотворения Теннисона предельно ее героизировали.

Особое место в контексте художественной литературы о Крымской войне занимает рассказ И.С. Шмелева «Солдат Кузьма» (1915). Подзаголовок «Из детских воспоминаний приятеля» объединяет его с такими произведениями того же автора, как «Лето Господне», «Богомолье», «Светлая страница» и т. д. Во всех этих сочинениях, созданных в разное время, действие происходит в 1870-х гг., а повествование ведется от лица маленького москвича из купеческой семьи. В «Солдате Кузьме» этот автобиографический герой повествует о своей дружбе с отставным солдатом, который выслужил «три медали и серебряный крестик» [15, с. 231], а потом стал банщиком. При каждой новой встрече с мальчиком Кузьма повторяет ему рассказ о том, как после ночного боя под Севастополем он очнулся в опустевшей неприятельской траншее рядом с таким же раненым англичанином. «Ну, разговорились. Какие уж мы тут враги-неприятели! Чуть двигаться можем» [15, с. 224].

Встреча раненых на Крымской войне с представителями вражеской стороны становилась предметом изображения и у Бейнбридж: когда русские «отошли за холмы, побросав небрунанных убитых и раненых» [13, с. 187], один из этих брошенных солдат, приподнявшись, убивает главного героя романа, военного врача Джорджа. Этот финал логично венчает изображение войны как бессмысленной бойни. По контрасту, рассказ Шмелева рисует общение раненых врагов с мягким юмором: «Ничего, разговорились. Он по-своему, я ему по-своему. Всё понимает. “Что ж это ты, говорю, со мной сделал? Куда я теперь гожусь?” <...> Ах ты, говорю, такой-сякой! Маленько его поругал. А он мне на плечо показывает – тоже, мол, и ему вlepили, в это место. <...> “Каля-малю, – говорит, – гав-гав-дую-не вздую”. По-своему. И не вздуешь, говорю, шалишь» [15, с. 224–225]. Как и в диалоге Помпи Джонса с русским «мальцом», противники обращаются друг к другу на разных языках, и произнесенные собеседником слова им непонятны (Кузьма неспособен распознать в услышанных звуках фразу «How do you do»). Однако Шмелев, в отличие от Бейнбридж, не изображает эту ситуацию как коммуникативный тупик. Напротив: его герой убежден, что они с англичанином понимают друг друга. Несмотря на то, что Кузьма превратно толкует значение и даже звучание иностранных слов, по сути дела он прав: на более глубоком уровне, чем языковой, понимание состоялось. Актуализировалось второе значение глагола «понимать»: «сочувствовать, одобрять».

Увидев, что у Кузьмы испорчен табак, англичанин предлагает ему свой, «заграничный, деликатный», а затем в знак приязни чуть не насильно дарит ему дорогую серебряную трубку, желая в обмен его дешевую: «До слез удивил» [15, с. 226]. Этот обмен трубками, возможно, являет собой аллюзию на эпизод «Севастопольских рассказов», где во время перемирия воюющие стороны также угощают друг друга табаком, а французский офицер предлагает русскому взять на память портсигар. Однако у Толстого отношения собеседников не выходят за рамки любопытства, у Шмелева же они рисуются как подлинно сердечные. Русский солдат описывает британского противника с большой симпатией: «...на щеках у него как кошачьи лапки приклеены, все они так себе бородку оставляли, по-матросски. Парень здоровущий, прямо... красивый!

– И хороший он, да? – спрашиваю я, уже давно зная, что англичан окажется хорошим.

– Ничего, хороший... прямо душевный парень оказался» [15, с. 224].

Эпитеты «хороший», «душевный» повторяются и дальше: «...прямо – душевный младчик оказался. Прямо жалко мне от него уходить. Говорю ему: “очень ты для меня хо-

роший, даром что неприятель, а как чистый друг"...» [15, с. 226]. Тем самым создается атмосфера сердечной теплоты и умиротворенности. Чувствуя ее и неосознанно наслаждаясь ею, маленький слушатель Кузьмы испытывает от истории такое же удовольствие, как и сам рассказчик; давно зная ее наизусть, он каждый раз заново радуется, когда «начинается солдатова дружба с англичаном» [15, с. 225].

На первый взгляд, эта краткая, но на всю жизнь оставившая след дружба напоминает те эпизоды «Войны и мира», где рисуются добрые отношения русских солдат с вышедшими к их костру Рамбалем и Морелем или партизан отряда Денисова с французским барабанщиком. Однако в эпопее Толстого очевидно, что ни отогретье Рамбаль и Морель, ни юный барабанщик Винсент больше не станут участвовать в боевых действиях против русской армии, если даже захотят – плен навсегда лишил их такой возможности. По контрасту, Кузьма называет «чистым другом» не побежденного врага (к которому положено проявлять милость), а противника, с которым и в будущем не исключена встреча в бою: англичанин отказывается от его предложения сдаться в плен, и солдаты двух неприятельских армий возвращаются из приютившей их траншеи к своим позициям, готовые вновь исполнять свой воинский долг.

Таким образом, в рассказе Шмелева перед нами любовь к врагу в самом непосредственном смысле. Торжество этой христианской добродетели над законами войны согревает сердца. Именно поэтому добрые отношения с англичанином так запоминаются Кузьме и так ценны для его маленького друга: «...и мне хочется, чтобы он всё рассказывал и рассказывал про англичана. И так всё ясно передо мной: я вижу и ту канаву, и их трубки, и их лица. И сладко так у меня внутри, и хочется с чего-то заплакать, и уже колет в носу. <...> И думается, бывало, – а что, если бы пришел сюда, в нашу баньку, и тот англичан. Так бы и сидели мы трое. Они бы держались за руки, курили бы из своих трубок, а я бы смотрел на них» [15, с. 227].

В «Солдате Кузьме» нет ни морального уничижения противника (как в патриотической «рифмованной англофобии» 1850-х гг. и в поэзии Теннисона), ни совместного с ним погружения в пучину страха и зверства (как в романе Бейнбридж). С христианским чувством описывает Кузьма и само поле битвы: «Тут ихние лежат, а тут наши. Спят сном беспробудным, вечным, царство небесное... Отслужили верой и правдой, а кто виноват – там Господь рассудит» [15, с. 226]. Изображение Крымской войны, исполненное прочного душевного мира, придает рассказу Шмелева уникальное звучание.

Список использованных источников

1. Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. – М.: Современник, 1991. – 765 с.
2. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки / А.А. Орлов. – М.: Гиперборея: Кучково поле, 2008. – 360 с.
3. «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646–1945 / подг. О.А. Казина, А.Н. Николюкин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 648 с.
4. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века / Р.М. Кирсанова. – М.: Книга, 1989. – 286 с.
5. Сидорова О.Г. Крымская война в английской литературе / О.Г. Сидорова // Известия Уральского Федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2014. – Т. 130. – № 3. – С. 106–113.
6. Суитман Дж. Крымская война. Британский лев против русского медведя / пер. с англ. А. Колина / Дж. Суитман, П. Мерсер. – М.: Эксмо, 2011. – 216 с.
7. Трубецкой А. Крымская война / пер. с англ. В. Генкина. / А. Трубецкой. – М.: Ломоносов, 2010. – 314 с.
8. Tennyson's Poetry: Authoritative texts: Contexts: Criticism / sel. a. ed. by Robert W. Hill, jr. – 2 ed. – N. Y.: Norton, Cop., 1999. – 703 p.
9. Киплинг Р. Полное собрание стихотворений: The complete verse / пер. С. Сапожникова. / Р. Киплинг. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009. – 1064 с.

10. Victorian poetry: Ten major poets / Ed. by R.B. Martin. – N.-Y.: Random House, 1964. – 845 p.
11. Чернин В.К. Альфред Теннисон и Россия: из истории международных литературных связей / В.К. Чернин. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 540 с.
12. Теккерей У.М. Кольцо и роза: Повесть-сказка. – На англ. и русск. яз. / пер. с англ. Р. Померанцевой. / У.М. Теккерей. – М.: Радуга, 2003. – 272 с.
13. Бейнбридж Б. Мастер Джорджи: роман / пер. с англ. Е. Суриц. / Б. Бейнбридж. – М.: Иностранка: БСГПРЕСС, 2001. – 189 с.
14. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. / Н.П. Михальская. – М.: МПГУ, 1995. – 152 с.
15. Шмелев И.С. Солдат Кузьма / И.С. Шмелев // Собр. соч.: В 5 т. Т. 8 (доп.): Рваный барин: Рассказы. Очерки. Сказки. – М.: Русская книга, 2000. – С. 220–239.

References

1. *Istoricheskie pesni. Ballady* [Historical songs. Ballads]. Ed. S.N. Azbelev. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 765 p.
2. Orlov, A.A. “*Teper’ vizhu anglichan vblizi...*”: *Britanija i britancy v predstavlenijah rossijan o mire i o sebe (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX vv.)*. Oчерки [“Now I see Englishmen close ...”: Britain and British in concepts of Russians about the world and about itself (second half of the XVIIIth – first half of the XIXth centuries). Sketches]. Moscow, Giperboreja Publ., Kuchkovo pole Publ., 2008, 360 p.
3. “*Ja bereg pokidal tumannyj Al’biona...*”. *Russkie pisateli ob Anglii. 1646-1945* [“I left foggy coast of Albion...”. Russian writers about England. 1646-1945]. Ed. O.A. Kazin, A.N. Nikoljukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 648 p.
4. Kirsanova, R.M. *Rozovaja ksandrejka i dradedamovyj platok: Kostjum – veshh’ i obraz v russoj literature XIX veka* [Pink ksandreyka and a dradedam scarf: the Suit – a thing and an image in the Russian Literature of the XIXth century]. Moscow, Kniga Publ., 1989, 286 p.
5. Sidorova, O.G. *Krymskaja vojna v anglijskoj literature* [The Crimean war in the English Literature]. *Izvestija Ural’skogo Federal’nogo universiteta. Serija 2. Gumanitarnye nauki* [The Bulletin of Ural Federal University. Sulfurs. 2. The Humanities], 2014, vol. 130, no. 3, pp. 106-113.
6. Suitman, Dzh. *Krymskaja vojna. Britanskij lev protiv russkogo medvedja* [The Crimean war. The British lion against Russian bear]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 216 p.
7. Trubeckoj, A. *Krymskaja vojna* [The Crimean war]. Moscow, Lomonosov Publ., 2010, 314 p.
8. Tennyson’s Poetry: Authoritative texts: Contexts: Criticism. Ed. by Robert W. Hill, jr. 2 ed. New-York, Norton, Cop. Publ, 1999, 703 p.
9. Kipling, R. *Polnoe sobranie stihotvorenij: The complete verse* [Full assembly of poems: The complete verse]. Saint-Petersburg, Polytechnic University Publ., 2009, 1064 p.
10. Victorian poetry: Ten major poets. Ed. by R.B. Martin. New-York, Random House Publ., 1964, 845 p.
11. Chernin, V.K. *Al’fred Tennyson i Rossija: iz istorii mezhdunarodnyh literaturnyh svjazej* [Alfred Tennyson and Russia: from history of the international literary communications]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2009, 540 p.
12. Thackeray, W.M. *Kol’co i roza: Povest’-skazka* [Ring and rose: the Story-fairy tale]. Moscow, Raduga Publ., 2003, 272 p.
13. Бейнбридж, В. *Master Dzhordzhi: Roman* [Master Dzhordzhi: the Novel]. Moscow, Inostranka, BSGPress Publ., 2001, 189 p.
14. Mihal’skaja, N.P. *Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX-XIX vv.* [Image of Russia in English fiction of the IX-XIXth centuries]. Moscow, MPGU Publ., 1995, 152 p.
15. Shmelev, I.S. *Soldat Kuz’ma* [Soldier Kuzma]. *Sobr. soch.: V 5 t.: Rvanyj barin: Rassказы. Oчерки. Skazki* [The Complete edition: In 5 vol.: The Fragmentary barin: Stories. Sketches. Fairy tales]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000, vol. 8 (ad.), pp. 220-239.

У статті розглядається образ ворога в російській та англійській художній літературі, присвяченій Кримській війні (1853–1856). Автор демонструє, що у XIX ст. цей образ визначався етнічними стереотипами. Особлива увага приділяється роману Б. Брейнбрідж «Мастер Джорджі» (1998), в якому британці та росіяни постають як дзеркальне відбиття один одного, та оповіданню І.С. Шмельова «Солдат Кузьма» (1915), де російський та англійський солдати, будучи воєнними ворогами, вступають, проте, в теплі дружні стосунки.

Ключові слова: образ ворога в літературі, Кримська війна, етнічні стереотипи.

The article discusses the image of the enemy in Russian and English literature dedicated to the Crimean war (1853–1856). The author demonstrates that in the XIX century this image was determined by ethnic stereotypes. Special attention is paid to the novel “Master Georgie” (1998) by B. Bainbridge, where the British and Russians appear as mirror images of each other, and the short story “Kuzma, a Soldier” by I.S. Shmelev (1915), where Russian and British soldiers, as military opponents, however, enter into a cordial relationship.

Key words: the image of the enemy in literature, Crimean War, ethnic stereotypes.

Одержано 7.11.2016.